

ИНТЕРЕСЫ И ЦЕННОСТИ

Копцева Н.П., Ма Л.

DOI: 10.7256/2305-560X.2016.2.16869

ИДЕОЛОГЕМЫ «ВЕЛИКАЯ КИТАЙСКАЯ МЕЧТА» И «ГАРМОНИЧНАЯ КУЛЬТУРА» В ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. Предметом исследования являются две базовые идеологемы современной политической риторики Китайской Народной Республики, а именно: «великая китайская мечта» и «гармоничная культура». На достаточно обширном современном материале, основу которого составляют произведения современных китайских политологов, написавших своих работы в 2014-2015 гг., а также работы современных российских и западных политологов, авторы раскрывают содержание «великой китайской мечты» и «гармоничной культуры». После XVIII съезда Коммунистической партии Китая именно воплощение «великой китайской мечты» выступает как главная задача внешней и внутренней политики современного китайского государства. Основным методом исследования – это критический и аналитический обзор наиболее важных экспертных точек зрения, в том числе Председателя КНР Си Цзиньпина, китайских политологов, западных специалистов в области современной китайской политики, российских исследователей, которые анализировали понятия «великой китайской мечты» и «гармоничной культуры». Кроме того, применялся метод понятийного анализа применительно к идеологемам «китайская мечта» и «гармоничная культура». Основным вкладом проведенного исследования является фиксация конкретного содержания идеологем «великая китайская мечта» и «гармоничная культура». Гармония в партийных и правительственных документах современного Китая выступает главной национальной ценностью. Авторы поддерживают выводы тех специалистов, которые полагают, что в современном Китае политическая риторика склоняется к традиционализму и национализму, тогда как реальная экономическая ситуация и глобальные трансформации связаны с ориентацией на космополитизм и новейшие зарубежные культурные практики и технологии. Это противоречие китайские лидеры хотят разрешить с помощью активного использования концепта «гармония», «гармоничное общество», «гармоничная культура». Конкретное наполнение понятия «гармония» раскрывается как риторическое триединство марксизма, традиционализма и новейших культурных технологий, характерных для западных государств.

Ключевые слова: Китай, китайская идеология, Си Цзиньпин, XVIII съезд КПК, «великая китайская мечта», «гармоничное общество», «гармоничная культура», «китайский социализм», «мягкая сила», «возрождение нации».

Abstract. The paper studies the two basic ideologemes of the modern political rhetoric of the People's Republic of China: "the Chinese dream" and "harmonious culture". Based on the wide range of materials, including the works of the modern Chinese political scientists of 2014 – 2015 and the works of the modern Russian and Western scholars, the authors reveal the content of "the Chinese dream" and "harmonious culture". After the 18th Congress of the Communist Party of China, the realization of "the Chinese dream" has become the main purpose of domestic and foreign policy of the state. The main research method is the critical and analytical review of the most important expert opinions, including those of the General Secretary of the Communist Party of China Xi Jinping, Chinese political scientists, Western specialists in the contemporary policy of China and Russian scholars analyzing the concepts of the "Chinese Dream" and "harmonious culture". Besides, the authors apply the method of conceptual analysis to the ideologemes the "Chinese dream" and "harmonious culture". The authors fix the concrete content of these ideologemes. Harmony is the main national worth according to the party and government documents of the modern China. The authors agree with the conclusions of those scholars who claim that the political rhetoric of contemporary China tends to traditionalism and nationalism, though the real economic situation and global transformations are connected with cosmopolitanism and the newest foreign cultural practices and technologies. Chinese leaders attempt at solving this contradiction via an active use of the concepts "harmony", "harmonious society" and "harmonious culture". The concrete content of the "harmony" concept is defined as rhetorical triunity of Marxism, traditionalism and the newest cultural technologies typical for the Western countries.

Key words: revitalization of the nation, soft power, Chinese socialism, harmonious culture, harmonious society, the Chinese Dream, 18th Congress of the Communist Party of China, Xi Jinping, Chinese ideology, China.

Исследование проведено в рамках работы по гранту Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности.

DOI: 10.7256/2305-560X.2016.2.16869

163

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Введение

Учитывая специфику политического пространства современного Китая, можно утверждать, что базовые культурные процессы во многом определяются с помощью их конструирования в государственной культурной политике. Современная культурная политика Китайской народной республики определяется с помощью термина «китайская мечта» (чжунго мэн).

Результаты и дискуссия

Несмотря на то, что девиз о «великой китайской мечте» председатель Си Цзиньпин провозгласил совсем недавно – в марте 2013 г. [1], количество исследований, анализов, интерпретаций этого термина чрезвычайно велико, в том числе в российской культурологии и зарубежной китаеведении. Си Цзиньпин разъяснил, какие компоненты составляют «великую китайскую мечту»: 1) могущественное и богатое государство (гоцзя фуцан); 2) возрождение нации (миньцзу чжэнсин); 3) счастливый народ (жэньминь синфу) [2]. Си Цзиньпин разъяснил, на каком экономическом базисе может быть воплощена «великая китайская мечта» о возрождении китайской нации: «Цель нашей предстоящей борьбы, – сказал он, – такова: к 2020 г. ВВП и среднедушевые доходы городского и сельского населения должны удвоиться по сравнению с показателем 2010 г.; должно быть в полной мере завершено построение среднезажиточного общества. К середине нынешнего века мы должны превратить страну в богатое, могучее, демократическое, цивилизованное, гармоничное социалистическое государство и осуществить китайскую мечту о великом возрождении китайской нации» [3].

Разумеется, что не может не возникнуть сравнения «китайской мечты» и «американской мечты». Авторы китайского термина сами предпочитают, чтобы такие сравнения возникали. Так в журнале «Китай» по поводу участия китайских представителей в одном из многочисленных публичных мероприятий было сказано: «Мечта США об укреплении державы – это концентрация мечты миллионов американцев о своей карьере. В свою очередь, китайская мечта также связана с тем, что каждый китаец ради достижения поставленных целей проявляет огромную творческую способность, потому что великое возрождение китайской нации должно опираться на усилия и инновации миллионов китайцев» [4].

Исследователи современного Китая [5] полагают, что прошедший с 8 по 14 ноября 2012 г. XVIII съезд Коммунистической партии Китая начинается действительно новая эра в его истории.

На этом съезде в Устав КПК была внесена новая статья о том, что в Китае построен «социализм с китайским лицом», однако идеологи КПК называют этот строй «начальной стадией социализма» и полагают, что продлится эта стадия не менее 100 лет. Подвести итоги можно будет к столетию существования социалистического китайского государства в 1949 г. Оставляя в стороне экономические и политические реформы, которые были поддержаны решениями XVIII съезда КПК, необходимо обратить внимание на то, что на ближайшие 30 лет китайская культурная политика сосредотачивается на конструировании китайской культурной идентичности [6], причем максимально позитивной [7]. Л.И. Кондрашова полагает, что данное конструирование ослабит опору на западные философские идеологии, характерные для христианства и марксизма, и, наоборот, усилит опору на традиционные китайские культурные ценности, связанные, в первую очередь, с конфуцианством: «Включенное в «китайскую мечту» положение о «национальном возрождении» следует понимать прежде всего как официальную реабилитацию традиционной китайской мысли, как своего рода ренессанс конфуцианства» [1].

Существуют определенные разногласия в интерпретации содержания «великой китайской мечты» в среде китайских, российских и других зарубежных аналитиков. Китайские интерпретаторы подчеркивают, прежде всего, социалистическое качество тех ценностей, которые будут воплощением «китайской мечты». Так, Zeng Guoping и Wei Feng в научной статье «Реализация «китайской мечты» и установление общества базовых социалистических ценностей» [8] утверждают, что до настоящего времени установление социалистических ценностей в китайском обществе лишь провозглашалось, тогда как настало время мобилизовать все китайское общество, использовать все современные средства для того, чтобы социалистические базовые ценности впервые в истории человечества стали бы всеобщей реальностью.

Zhang Bo [9] рассматривает понятие «Великой китайской мечты» в контексте включения данного понятия в образовательное пространство китайского государства. Он полагает, что возрождение китайской нации является общей надеждой для каждого китаец и что эта надежда является силой, энергией, необходимой для развития китайского общества в будущем. Таким образом, автор раскрывает значение «китайской мечты» как энергии, как желаемого будущего, как силы, которая поможет китайскому обществу сконцентрировать свои ресурсы для значительного рывка вперед.

Анализ научно-исследовательской литературы, раскрывающей понятие «китайской мечты»

показывает, что данное понятие существовало в общественном китайском сознании задолго до того, как было директивно провозглашено Си Цзиньпин. Так, в книге Н. Марса и А. Хорнсби «Китайская мечта: конструируемое общество» [10] на большом статистическом и аналитическом материале рассматривают возможные причины роста китайской экономики на протяжении последних 30 лет, беспрецеденты также социальные и культурные изменения в современном китайском обществе, связанные с урбанизацией. По мнению авторов, Китай бесспорно превращается в мировую сверхдержаву, что, собственно, и является «китайской мечтой».

В 2010 г. вышла книга Хелен Вонг «Китайская мечта: рост крупнейшего в мире среднего класса и что это значит для вас» [11], где автор в первой части раскрывает причины и факторы появления среднего класса в современном Китае: выделение частного сектора в экономике, кризис коллективных идентичностей, величайшая миграция. Книга основана на более 100 интервью представителей нового среднего класса в Китае. В книге, Ван не определяет китайскую мечту; скорее, она передает надежды и мечты китайского народа через интимные портреты этой новой растущей аудитории. В заключении Хелена Вонг рассматривает «китайскую мечту» как часть всемирной мечты. Она утверждает, что китайское общество воплощает свою мечту на основе традиционных китайских ценностей, таких как культура уважения, семьи, природы, создания новых технологий и развития творческих способностей.

В октябре 2012 г. популярный американский журналист, пишущий на экономические темы, Томас Фридман в статье «Китай нуждается в собственной мечте», которая была опубликована в «The New York Times», пишет, что термин «китайская мечта» был введен в оборот и популяризован журналистом Пегги Лю как синоним понятия «китайское устойчивое развитие». Томас Фридман пишет также, что «китайская мечта» противопоставляется «американской мечте» и используется как раз для противопоставления, для подчеркивания различия между «американской мечтой» и «китайской мечтой»: имеет ли китайская молодежь мечту, отличающуюся от «американской мечты».

Таким образом, понятие «китайская мечта» разрабатывается в начале XXI в. в контексте радикальных экономических, социальных и культурных трансформаций китайского общества, связанных с экономическим ростом, урбанизацией, появлением новых социально-экономических классов и новых для Китая коллективных идентичностей.

В статье Чжэн Вана «Китайская мечта: понятие и контекст» [12] рассматриваются исторические предпосылки формирования данного понятия, его

смыслы в контексте национального возрождения и возможные международные интерпретации данного понятия.

Представляется неверным понимать термин «китайская мечта» как нечто, противостоящее социалистической китайской доктрине. В мае 2013 г. Си Цзиньпин призван китайскую молодежь смелее мечтать, работать над тем, чтобы мечты воплотились в жизнь и способствовать активизации китайской нации. Вслед за этим в журнале Китайской Коммунистической партии «Qiushi» 9 июня 2013 г. была опубликована статья Ши Юйчжи «Семь причин, почему китайская мечта отличается от американской» [13]. Автор подчеркивает, что китайская мечта – это мечта о социализме, о процветании китайского общества, о коллективных усилиях для этого процветания, о национальной славе Китая.

Исторически термин «китайская мечта» восходит к древней классической поэзии «Ши цзин», где поэт просыпается в отчаянии от того, что благословенные времена Западной династии Чжоу остались в прошлом. Мечта древнего поэта – это мечта о том, чтобы процветание Китая времен Западной династии Чжоу вновь восстановилось бы. В популярных патриотических литературных произведениях первой трети XX века термин «китайская мечта» встречается довольно часто. Считается, что он возник гораздо раньше, чем устойчивое словосочетание «американская мечта».

Роберт Лоурсен Кун, международный банкир, поясняет, что «китайская мечта» состоит из четырех смысловых элементов: 1) сильный Китай (экономически, политически и дипломатически, научно и в военном отношении); 2) цивилизованный Китай (равенство и справедливость, богатая культура, высокая нравственность); 3) гармоничный Китай (дружелюбие среди всех социальных групп и классов); 4) прекрасный Китай (здоровая окружающая среда, низкий уровень загрязнения окружающей среды). «Китайская мечта» предполагает «умеренно зажиточное общество», где сельские и городские жители имеют одинаковые жизненные стандарты. В экономическом отношении это означает удвоение ВВП на душу населения уровня 2010 г. к 2020 г. (по 10000 долларов на человека) и урбанизационный рывок, когда в городах будет проживать не менее 1 миллиарда китайцев, что должно составить примерно 70% населения Китая к 2030 г.

Зарубежные интерпретаторы подчеркивали, что «китайская мечта» ориентирована на предпринимательский дух, на развитие индивидуальных творческих способностей. Однако в ранее упомянутой статье Ши Юйчжи специально разъясняется, что данное понятие следует рассматривать внутри социалистической доктрины и что оно этим самым отличается от т.н. «американской мечты».

Социалистический контекст «китайской мечты» раскрывается некоторыми авторами в различных аспектах. Так, в книге Сорен Маттке, Хангшенг Лю, Лорен Хантер, Кун Гу, Сидни Ньюберри «Роль трансформации здравоохранения для китайской мечты» [14]. Основные проблемы, которые рассматриваются в этой книге, следующие: 1) каковы потребности здравоохранения в Китае; 2) как Китай должен построить свою собственную систему здравоохранения, чтобы удовлетворить эти потребности. После успешного расширения медицинского страхования Китай в настоящее время сталкивается с проблемой построения эффективного здравоохранения и старения населения. Страна оказалась на перепутье – она может подражать модели западных стран с их известными ограничениями или встать на амбициозный путь в стремлении создать инновационную и устойчивую модель современного здравоохранения. Авторы книги рекомендуют Китаю выбрать второй вариант и в разработке и реализации системы здравоохранения, основанной на принципах управления здравоохранения населения и сложных медицинских информационных технологиях. Выбор этого пути может дать тройные дивиденды Китаю. Здравоохранение будет способствовать росту занятости в секторе услуг, стимулированию внутреннего спроса, разблокировке сбережений. Китай сможет экспортировать возможности своей системы здравоохранения в страны с развивающейся экономикой, отражая свой успех в строительстве критически важной инфраструктуры. Все это способствует воплощению китайской мечты в реальность, утверждают авторы книги.

Изначальная неясность термина «китайская мечта» породила явление «политической герменевтики» данного понятия. Об этом пишет Жозеф Махони в статье «Интерпретация китайской мечты: осуществление политической герменевтики» [15], где он рассматривает «китайскую мечту» в контексте более широкого исторического и политического дискурса, присущего Китайской коммунистической партии. Ж. Махони полагает, что речь идет о том, как обозначить серьезные трудности, которые предстоит пережить китайскому обществу в экономическом и – особенно – политическом плане. Обобщая прошлое, настоящее и будущее, этот термин-концепт позволяет Си Цзиньпину консолидировать политическую власть, осуществлять борьбу с коррупцией, подготовить китайский народ и Китайскую коммунистическую партию к сложным реформам.

Чжэн Шипинг, автор статьи «Рост доверия к «китайской мечте»» [16], пишет, что с ноября 2012 года, китайские лидеры призывают к китайскому народу, чтобы стать уверенным в достижении «ки-

тайской мечты». Учитывая совокупные политические, экономические и социальные проблемы, с которыми Китай сталкивается и низкие рейтинги Китая в некоторых ключевых показателях в глобальном масштабе, нужно задать вопрос, откуда берется уверенность Китая исполнить свою мечту. В исследовании рассматривается, как Китай выглядит по отношению к соседним странам. Были выбраны три крупнейших соседа Китая: Япония, Россия и Индия, чтобы сравнить их с Китаем на основании семи систем оценки производительности: государственной эффективности, экономической уверенности, прямых иностранных инвестиций, доверия, умышленных убийств, гендерного разрыва, международного туризма и глобальной конкурентоспособности. Автор обнаруживает, что в то время как Япония по-прежнему впереди Китая в нескольких областях оценки производительности, Китай быстро приближается к Японии. С другой стороны, Россия и Индия находятся позади Китая в большинстве областей оценки производительности и разрыв между ними увеличивается. На протяжении 20-го века Россия, Китай и Индия боролись, чтобы реализовать свои мечты, стать и процветающим в условиях проблемных отношений с западными державами. Сегодня, Китай, кажется, на один шаг впереди остальных на пути к достижению своей мечты. Проект «китайской мечты» опирается на рост доверия общества в настоящему и будущему Китая.

В статье Чунлонг Лу «Поддержка китайскими горожанами китайской мечты: эмпирические выводы из исследований 17 городов» [17]. Основываясь на социологическом исследовании – опросе жителей семнадцати городов, это исследование показало следующее: во-первых, поддержка китайской мечты среди китайских городских жителей очень высока; во-вторых, концепция китайской мечты имеет три измерения (национальной мечты, мечты социальной и индивидуальной мечты), она имеет сильную коллективистскую функцию, которая резко контрастирует с индивидуалистической американской мечтой. Строительство китайской мечты, полагает автор, основано на традиционной китайской культуре: уважении к политической власти, желании общественного порядка и поддержки сильного правительства. Автор делает вывод о том, что строительство «китайской мечты» должно оставаться открытым и изменяться с развитием общественных ценностей в Китае.

Цзэн Гопин и Вэй Фэн [18] также подчеркивают социалистическую направленность содержания «китайской мечты». В статье «Реализация китайской мечты и создание системы общинных социалистических ценностей», опубликованной в январе 2015 г., указывают, что укрепление и соз-

дание общинных ценностей социалистического мировоззрения может повысить идейно-нравственные качества китайцев, способствовать модернизации системы управления общинами и дает возможность управления, достижения консенсуса в обществе, обеспечивает сильную мотивацию и поддержку для реализации великой «китайской мечты». К настоящему времени общинные социалистические ценности первоначально созданы, но до сих пор существуют проблемы абстракции их выражения, недостаточного внимания со стороны руководства, недостаточной пропаганды, отсутствия эффективных методов обучения и means. Авторы делают вывод, что в целях повышения пропаганды общинных социалистических ценностей необходимо обновить средства взаимодействия с обществом, создать платформу для реализации общинных социалистических ценностей в реальности, а не в абстракции.

Чжан Ци в работе «Попытка интеграции «китайской мечты» с он-лайн обучением новой и новейшей истории Китая» [19] полагает, что без реформы в технологиях обучения «китайскую мечту» трудно будет реализовать. Наиболее перспективными автору представляются трансформации стилей обучения, развитие он-лайн обучения по новейшей истории Китая. Это, по мнению автора, будет способствовать повышению качества обучения и вне данной системы.

Камилла Соренсен рассматривает значение процессов воплощения «китайской мечты» для международных отношений Китая с зарубежными державами. В статье «Значение «китайской мечты» Си Цзиньпина «китайской мечты» для китайской внешней политики: От «Дао Гуан Ян Хуэй» до «Фен Фа У Вэй»» [20] К. Соренсен пишет о том, для лучшего понимания новых и более напористых особенностей китайской внешней политики в последние годы можно рассмотреть «китайскую мечту» Си Цзиньпина для разгадки того, как китайское руководство видит свою роль на международной арене. В своих выступлениях и заявлениях о «китайской мечты» китайские руководители, как правило, представляют ее как продолжение мирной стратегии развития Китая.

Автор делает предварительные выводы, но подчеркивает, что в стратегии реализации «китайской мечты» поддерживается постепенное развитие нового мышления и нового подхода в стратегии внешней политики Китая, что указывает на большие изменения в отношениях Китая и всей международной системы. К. Соренсен считает особенно важным сосредоточиться на последствиях внутреннего китайского внимания по отношению к китайскому руководству – внимание к удовлетворению растущих внутренних ожиданий роли, кото-

рую Китай будет играть в международной системе в ближайшие годы. Более агрессивные черты китайской внешней политики в последние годы явно относятся также к необходимости Си Цзиньпина для удовлетворения растущих внутренних ожиданий и сильных призывов к более жесткой внешней политике и принятию больших мер по вопросам суверенитета.

Другой интересный и важный вопрос, есть ли консенсус в Китае – в руководстве и среди китайских ученых международных отношений – на видение и цели Китая на международном уровне. Си Цзиньпин – первый китайский лидер, дальновидный и достаточно сильный, чтобы продвинуть переосмысление внешней политики Китая. Автор полагает, что постепенно развивается новое китайское мышление по отношению к международной политике, на это указывает анализ китайских ученых-международников и новые стратегии во внешней политике Китая под управлением Си Цзиньпина.

В работе Дэвида С. Пены «Сравнивая китайскую мечту с американской мечтой» [21] утверждается, что китайская мечта имеет четыре основные темы: национальное возрождение, общее процветание, демократию и счастье народа; в то время как американская мечта подчеркивает личную свободу, индивидуальный успех и движение вверх социальной и экономической мобильности. Исследование исторических истоков и развития двух видов мечты, соединенные с учетом их целей и задач, показывает, что полная реализация китайской мечты достигается путем успешного строительства социализма с китайской спецификой. Американская мечта, пишет Д. Пена, напротив, служит идеологической опорой для особенно «агрессивной, хищной и империалистической формы капитализма» [22]. Сравнение каждой мечты на практике показывает, что китайская мечта развитого социализма является более успешной в содействии совместному процветанию и мирному устойчивому развитию, в то время как американская мечта необузданного капитализма призывает к неустойчивому развитию, растущей нищете и неравенству, империалистическим войнам. Наконец, перечисление основных различий между китайской и американской мечтой приводит к выводу, что китайская мечта принципиально доброкачественная, в то время как американская мечта в основном злокачественная. Для того чтобы американская мечта изжила свои вредные свойства, она должна отказаться от своих капиталистических основ и принять социализм как конечную цель. Тем самым автор продолжает линию доказательств, связанных с соответствием содержания «китайской мечты» идеалам социализма. По мнению исследователя, ярко проявлен-

ное критическое описание «американской мечты» связано не с особенностями американской культуры, а с регрессивностью капиталистического способа в целом.

Иной подход характерен для научного исследования Д. Овена [23]. В статье «Влияние экономического развития на политические интересы через социальные классы Китая: включение «китайской мечты» в китайскую реальность?» он раскрывает определенные моменты в теории модернизации, а именно: какие условия необходимы для перехода к демократической политической системе. Безусловно, что существует связь между экономическим развитием и политическим развитием, где рост сильного среднего класса связан с заинтересованностью этого класса в политической репрезентации. Существует еще одна позиция, которая связывает модернизацию с развитием рабочего класса. Однако существующие эмпирические исследования показывают, что оба социальных класса – рабочий класс и средний класс – являются политически апатичными и не предпринимают никаких действий, чтобы изменить существующий политический режим. Социальные классы современного Китая поддерживают политику Китайской коммунистической партии с тем, чтобы «китайская мечта» действительно превратилась бы в «китайскую реальность», констатирует Д. Овен.

До Туй рассматривает изменения, которые политическая доктрина «китайской мечты» вносит в теорию международных отношений. В статье «Подъем Китая и китайской мечты в теории международных отношений» [24] он связывает между собой два представления: снижение роли Запада и США, с одной стороны, и подъем Китая и всей Восточной Азии, с другой стороны. Автор ставит и обсуждает проблему создания «незападной» теории международных отношений, которая могла бы объяснить эти процессы. Одновременно высказывается опасения, чтобы данная теория не стала бы излишне «националистической».

Важнейшим аспектом «великой китайской мечты» является создание новых сообществ, где господствовали бы реальные социалистические ценности. По мнению ряда исследователей, воплощение «великой китайской мечты» может быть связано с другой политической доктриной – о необходимости урбанизации особого типа, характерного именно для Китая. Ряд экспертов отмечают, что китайская современная урбанизация, с одной стороны, связана с процессами индустриализации и социальной модернизации, а с другой стороны, в ней гораздо больше позитивных аспектов, чем в других странах. Так, рост городского населения в современном Китае не сопровождается ростом трущоб и маргинализацией значительной части

новых горожан, к которым относятся переехавшие в город сельские жители и не нашедшие в нем опору для своего нового социального статуса. Причины таких позитивных тенденций эксперты видят в продуманной государственной политике, связанной с урбанизацией, когда опора делается не столько на стремительный рост населения крупнейших мегаполисов типа Шанхая, Пекина, Харбина и других городов-гигантов, сколько на преобразование сельских поселений в небольшие современные города. В последнем случае не происходит стремительного разрушения традиционной сельской общины и, как следствия, катастрофической маргинализации различных социальных групп.

В работе Анны Ахлерс «Воплощение «китайской мечты» на земле? Подходы региональных правительств к новым типизированным формам сельской урбанизации» [25] исследуется взаимосвязь доктрины «китайской мечты» и курса на урбанизацию, который возник значительно раньше, чем политическая формулировка «великой китайской мечты». Анна Ахлерс полагает, что именно в опоре на специфически китайские формы «сельской урбанизации» китайские политические лидеры моделируют реальную возможность воплощения этой «мечты» в социальную реальность. «Великая китайская мечта» возникла не на пустом месте. Начиная с середины 2000 гг., китайское правительство заменяет прежнюю концепцию масштабной макро-урбанизации в пользу более сбалансированного распространения городской инфраструктуры и социально более приемлемой концентрации ресурсов в сельской «глубинке». В политических документах современного Китая все чаще речь идет о новом типе «сельской урбанизации», о необходимости планомерного создания «новых сельских общин», «новых сельских ландшафтов».

Анна Ахлерс полагает, что процессы «новой сельской урбанизации», приход различного рода ресурсов для развития сельских территорий, возможности планирования и распределения данных ресурсов оказываются выгодными для органов сельского самоуправления, в том числе, в связи с запуском процессов управления землепользованием. Она отмечает, что мотивация и интересы органов местного самоуправления при реализации государственной политики сельской урбанизации являются довольно сложными и неоднозначными. Именно интересы данной социальной группы проявляются в создании современных городских сервисов и других общественных благ (системы здравоохранения, образования, страхования и т.д.) в урбанизированных сельских поселениях современного Китая. Анна Ахлерс полагает, что требуется серьезное внимание к логике управленцев, отвечающих за урбанизацию конкретного посе-

ления. Возможно, что потребуется определенная профилактика, если частные интересы будут превалять над общественными.

Так, полагает Анна Ахлерс, принятие государственного закона в КНР о запрете незаконного изъятия земли привело к значительному снижению насильственного выселения людей. Но, возможно, полагает исследовательница, речь идет о том, что политическое руководство осознает, что резкий рост городского населения может привести к таким же резким изменениям политического сознания. Тем не менее, сельская урбанизация в современном Китае провозглашается элементом современного воплощения «великой китайской мечты», о чем свидетельствуют многочисленные знаки, символы, образы, характерные для нынешнего Китая.

В реальности существуют различные подходы к архитектурному оформлению сельской урбанизации. Это может быть строительство многоэтажных домов по типу городских. В последнее время все чаще появляются виллы с садами вокруг домов. На окраинах регионов и на границах городов все чаще заметно строительство таунхаусов. В любом случае, сельская урбанизация, как правило, означает приход современной городской инфраструктуры в традиционные сельские поселения. Выгодополучателями, считает Анна Ахлерс, являются сельские управленцы, которые по-своему планируют развитие транспорта, здравоохранения, образования, самое главное – землепользования.

Возникает новый тип общины, где традиционное сельское население модернизируется с помощью развития городской инфраструктуры. Этот новый тип общины и может выступить базой для воплощения «великой китайской мечты». Возникает вопрос, сохраняются ли прежние органы местного самоуправления в этих общинах нового типа? А. Ахлерс полагает, что возможны три основных сценария: 1) сохранение всех устойчивых качеств традиционных сельских правителей; 2) усиление автократии в связи с новыми возможностями для традиционных правителей, связанных, прежде всего, с захватом земли; 3) сочетание первого и второго сценария в различных пропорциях. В зависимости от того, какой сценарий будет воплощаться, можно будет судить о том, станет ли сельская урбанизация главной базой для воплощения «великой китайской мечты» в реальность.

Михаил Фенг также осторожен в своих выводах относительно воплощения «китайской мечты» в реальность. В статье «Деконструкция «китайской мечты»: ценности и институты» [26] он пишет, что данная политическая доктрина возникла отнюдь не случайно. Негативным экономическим фактором ее появления было, по мнению М. Фенга,

снижение темпов экономического роста в Китае, а также по-прежнему низкий уровень доходов на душу населения. При этом предпринимательский энтузиазм в современном Китае достаточно высок, хотя в последнее время для экономической политики Китая характерна новая волна национализации и укрпление государственной монополии в экономике.

М. Фенг свидетельствует о том, что политическая доктрина воплощения «великой китайской мечты» получила значительное число сторонников и способствовала появлению новой энергетической волны социального энтузиазма. Для современных китайских лидеров очень важно, чтобы «китайская мечта» не осталась бы только риторикой. Для этого запущены некоторые новые экономические процессы: разрешено создавать частные банки, сохраняется курс на рыночную экономику в отдельных секторах. Исследователь анализирует, какие ценности провозглашаются как идеологическая база для реализации «великой китайской мечты».

Первой и главной ценностью Си Цзиньпин и его последователи называют «социализм». В партийных документах и партийных публикациях говорится о том, что Китайская Народная Республика длительный период времени будет находиться на «начальной стадии» развития социализма. Эта «начальная стадия» должна будет существовать ровно столько времени, сколько потребуется Китаю, чтобы добиться экономического процветания для всех социальных групп. Тезис о «начальной стадии китайского социализма» является ответом на критику левого крыла китайских социалистов, которые выступают за воплощение «ортодоксального» социализма вне рыночной экономики. Поскольку Китай не достиг еще необходимого экономического процветания, в нем допустимы рыночные институты и механизмы, утверждают в своих выступлениях нынешние политические лидеры Китая. Тем не менее, социализм провозглашается главной ценностью, ради воплощения которой, собственно, и запускаются все современные процессы в китайском обществе.

Второй ценностью в современной китайской политической риторике выступает «социалистическая демократия». Термин «социалистическая демократия» в политической теории современного Китая, полагает М. Фенг, имеет множественные смысловые значения: это могут быть «многопартийные выборы» для создания «экспертов-помощников» политическим лидерам, это могут быть строгая «диктатура пролетариата», «доброкачественное самодержавие», «совещательная демократия». Таким образом, многие позитивные процессы в Китае могут быть названы «социали-

стическими», если они позитивны для китайского общества в целом.

Третья ценность – свобода – до недавнего времени крайне редко употреблялся в политических документах современного Китая. Наоборот, термин «либерализм» имеет очень плохую политическую репутацию, поскольку существует известная статья Мао Цзедуну «Против либерализма», написанная в 1937 г. В партийных документах ноября 2012 г., связанных с XVIII съездом Коммунистической партии Китая впервые в новейшей политической истории Китая говорится о том, что КПК должна отстаивать верховенство закона и гарантировать, что люди пользуются широкими правами и свободами при этом верховенстве. В число 12 базовых ценностей социализма, которые были сформулированы на 4 пленарном заседании ЦК КПК и распространены по всей территории Китая, была впервые в истории КПК введена свобода и вновь подчеркнута главенство закона в обеспечении свободы людей. М. Фенг полагает, что это является «Великим скачком» в идеологии современной КПК и свидетельствует о качественно новом уровне развития партийной китайской идеологии.

Четвертая ценность – «верховенство закона» – также возникает впервые в директивах, разосланных в территориальные органы КПК в 2014 г., хотя сам принцип был записан в Конституции 1995 г. Данные директивы предполагают разворачивание целой системы конкретных мер для обеспечения этого верховенства, что также рассматривается экспертами как значительное идеологическое новшество.

Пятая ценность – равенство – имеет для современного Китая особое значение. Речь идет о конкретном экономическом равенстве по уровню жизни городских и сельских жителей, а также по уровню жизни в различных регионах Китая. КПК берет на себя задачу перераспределения доходов между регионами и между сельскими и городскими поселениями для реализации принципа «социальной безопасности»

Шестая ценность – справедливость, правосудие – также имеет для современного Китая конкретное значение. Речь идет о землепользовании, когда при интенсивной урбанизации местные органы власти забирали землю у фермеров и коллективных хозяйств под «общественные нужды», выплачивая крайне маленькую в денежном выражении компенсацию. Это привело к сопротивлению крестьян, а также к нарушению социальной стабильности в некоторых регионах. Ценность справедливости в контексте политики Си Цзиньпина имеет конкретный смысл, связанный с отказом от этих незаконных отъемов земли. В партийных документах специально оговорено, что без

установления социальной справедливости «великая китайская мечта» не сможет осуществиться.

Седьмая ценность – «научное развитие». С точки зрения М. Фенга за этим выражением стоит экологическая зеленая политика, поскольку китайские мегаполисы уже в значительной степени страдают от загрязнения воздуха и окружающей среды. Си Цзиньпин подтвердил, что новое руководство КНР также продолжает курс на построение эко-цивилизации и что правительство продолжит выделять значительные финансовые ресурсы для стабилизации экологической обстановки.

М. Фенг полагает, что в концепт «китайской мечты» входят и традиционные китайские ценности, связанные с конфуцианством. Главной конфуцианской традиционной ценностью является «социальная гармония». Необходимость построения «гармоничного» общества была провозглашена еще предшественником Си Цзиньпина, при котором имели место некоторые процессы социально-политической нестабильности. На поддержание внутреннего порядка современный Китай тратит больше, чем на внешнюю оборону (в 2013 г. – 720 000 000 000 и 769 000 000 000 юаней соответственно). При внимательном исследовании конфуцианских традиционных ценностей оказывается, что они мало чем отличаются от традиционных христианских или буддийских ценностей. В их основе лежат доброжелательность, правда, этикет-ритуал, мудрость, честность. В основе поведенческого кодекса также предусматриваются мера, благотворительность, почтительность, толерантность, внимательность.

Однако далеко не все конфуцианские ценности имеют универсальные значения. Так, конфуцианцы рассматривают коммерсантов как «низких» людей, тогда как «благородные люди» не могут быть связаны с торговлей, с рыночными ценностями. Мэн-цзы, второй по значимости после Конфуция, мыслитель, предопределивший содержание китайских традиционных ценностей, также выступал за «умеренное» благосостояние и против того, чтобы в руках одного человека были бы сконцентрированы большие финансовые или иные материальные ценности. Точно также, конфуцианство в целом выступает против приоритета индивидуальных интересов. Они должны быть согласованы с социальной справедливостью. М. Фенг полагает, что конфуцианские этические принципы обязательно влияют на специфику бизнеса и общественных взаимоотношений и в современном Китае.

Серьезное внимание экспертов привлекла такая декларируемая ценность, связанная с «китайской мечтой», как патриотизм, или национализм. В двух из трех аспектов «великой китайской мечты» – «процветание китайской нации» и «омолаживание

китайской нации» – Си Цзиньпин делает националистические акценты, что, с точки зрения М. Фенга, является адекватным ответом на массовый рост националистических настроений в современном Китае. Опора на эти настроения, с точки зрения современных китайских политических лидеров, позволит сохранить территориальную целостность Китая. В каком-то отношении патриотизм входит в систему традиционных китайских культурных ценностей. В древности единство Китая было обеспечено не столько политически, сколько благодаря единым культурным основаниям. Традиционная китайская культура препятствовала внешним ассимиляциям китайцев. Национальная гордость была серьезно задета во время японского вторжения и западных технологических и военных воздействий, в том числе в период «опиумных войн». Именно опираясь на национальный подъем, Мао Цзедун обеспечил себе победу, одновременно приложив гигантские усилия, чтобы модернизировать китайское общество и создать мощное национальное государство. Опора на государственную власть при восстановлении национального могущества сохраняется и в современном Китае. Успехи современного китайского государства, в свою очередь, укрепляют сами государственные институты.

Возвращение к традиционным китайским ценностям конфуцианства, в частности, означает и возвращение к сильному чувству национальной гордости, которое должно проявляться и в политической риторике правительства.

М. Фенг справедливо полагает, что воплощение различных аспектов «великой китайской мечты» требует изменения социальных и культурных институтов. В партийных документах КПК подчеркивается, что главным принципом реализации «китайской мечты» является принцип «демократического централизма». Различные разъяснения этого принципа указывают на то, что главным среди «народного суверенитета», «принципиальной позиции народа», «верховенства закона» остается принцип руководящей роли КПК. Тем не менее, за последние 3 года в партийной печати беспрецедентно часто подчеркивается принцип «верховенства закона».

Далее, в речах Си Пиньцзина называется ряд новых институтов для реализации «китайской мечты»: «народные конгрессы», «многопартийное сотрудничество», «политические консультации», «национальные региональные автономии», «низовые массы самоуправления» и многие другие, которые рекомендуются для воплощения в партийных документах, которые отправляются в местные партийные органы. Провозглашается также отмена воспитания через труд, подчеркивается необходимость юридического обеспечения партийной и правительственной власти, а также принятия

решения партийными и региональными органами только после обсуждения этих решений на «народных конгрессах».

Далее в решениях XVIII съезда КПК подчеркивается, что главную роль в китайской экономике по-прежнему будет играть государственный сектор и что частный сектор занимает безусловно подчиненное место.

Таким образом, «великая китайская мечта» определяется в идеологической программе КПК на социалистической основе. Для ее воплощения предпринимаются программы действий, где социалистические принципы сочетаются в традиционными конфуцианскими ценностями, в том числе с честностью, справедливостью, патриотизмом.

Некоторые российские авторы полагают, что концепция «великой китайской мечты» имеет аспект «мягкой силы», с помощью которой современный Китай издает собственную информационную привлекательность. Так, А.В. Шалак анализирует книгу китайских авторов Х.Хуагуана и Л. Цзяньчжана «XVIII съезд КПК. Китайская мечта и мир», которая была издана в Пекине в 2013 г. обращает внимание на то, что в конце этой книги делается сравнение американской «мягкой силы» и современной китайской «мягкой силы» не в пользу китайской [27]. Преобладающее развитие американской культурной индустрии, системы высшего образования, гражданского общества, защиты прав человека, правовой грамотности, роли страны в глобальном мире все еще свидетельствуют о том, что Китай находится в списке развивающихся стран. Однако авторы вспоминают высказывание Дэн Сяопина о том, что, став богатым и могучим государством, Китай всегда останется в третьем мире. Этот тезис Дэн Сяопина трактуется как определенная международная позиция Китая, который приносит в глобальный мир такие ценности как «гармония», «международная справедливость», «существование в согласии с теми, кто не такой, как ты», «международный плюрализм», «правосудие». В этом аспекте «мягкая сила» Китая может действительно оказаться чрезвычайно привлекательной для развивающихся стран и добавить Китаю новых союзников и сторонников.

М.В. Скрипкарь [28] полагает, что концепт «китайская мечта» имеет не менее чем столетнюю историю от Сунь Ятсена до Си Цзиньпина. Исследователь полагает, что данная идеология сформулирована пока в самых общих чертах и неясна в деталях. В настоящее время конкретика «китайской мечты» разделяется на три аспекта: 1) построение среднезажиточного общества; 2) полное перевооружение армии; 3) превращение в первую экономику мира. Но все эти позиции критикуются современными американскими аналитиками.

Например, они указывают, что рост китайского среднего класса до 800 миллионов человек к 2029 г. при уровне потребления, похожим на уровень потребления среднего американского класса, несет с собой планетарную угрозу в виду нехватки природных и иных ресурсов. Таким образом, за пределами Китая «китайская мечта» критикуется и интерпретируется самым различным образом.

С.Ю. Распертова [29] справедливо полагает, что ядром концепта «китайской мечты» выступает понятие «гармонии», историческое происхождение которого связано с музыкальным созвучием, симфонией. Автор показывает, что «китайская мечта» имеет две основные стратегии: внутреннюю, связанную с построением среднезажиточного общества, и внешнюю, связанную с применением «мягкой силы», привлекательного образа китайского общества как общества социальной гармонии. С.Ю. Распертова называет основные компоненты, которые составляют содержание социальной гармонии: это идеология, менталитет, модели поведения, общественные нравы.

Социальная гармония опирается на концепцию «культурной гармонии», которая также имеет ряд особенностей, в том числе стратегический принцип «ставить древность на службу современности». Так, социальный идеал среднезажиточного общества напрямую связывается с конфуцианским призывом строить «общество среднего достатка». Тем самым идея гармоничной культуры предполагает созвучие ряда культурных практик: социалистических, традиционных, современных. Именно такая интегративная концепция гармоничной культуры с точки зрения современных китайских политических лидеров способствует реальному воплощению «китайской мечты» как мечты об «омолаживании нации».

Некоторые западные исследователи полагают, что «китайская мечта» может осуществиться лишь в том случае, если она встретит реальную международную поддержку. В свою очередь эта поддержка возможна лишь в том случае, когда станет ясно, что китайский патриотизм не превратится в агрессивный национализм, поскольку в истории XIX-XX вв. Китая переживал не лучшие отношения с современными западными государствами, с Японией и другими сопредельными странами. Реализация «китайской мечты» должна опираться, прежде всего, на реформы в системе образования, в культурной индустрии, в области осуществления принципа «верховенства закона», что также требует значительных реформаторских усилий, полагает американский исследователь китайского происхождения Ц. Ванг [30]

С другой стороны, китайские исследователи утверждают, что «китайская мечта» – это идеоло-

гема, конкретизирующая реальные пути китайского общества к коммунизму, который не может быть достигим без определенного экономического базиса, без определенного экономического уровня развития, где китайский социализм является предпосылкой для того, чтобы именно Китай возглавил передовые общества, идущие в этом же прогрессивном коммунистическом направлении [31].

Можно дискутировать по вопросу о том, какая доля конфуцианской традиционной философии в доктрине «китайской мечты», однако в партийных документах, в современной китайской публицистике говорится о том, что социалистическим идеям в Китае нет и не может быть альтернативы.

Для достижения «великой китайской мечты» в современном Китае разрабатываются не только экономические и социальные проекты, но и культурные. Главным понятием культурных проектов, которые должны способствовать воплощению «великой китайской мечты» является «гармоничная культура», о которой говорилось ранее в работе С.Ю. Распертовой. Определение гармоничной культуры дает Сан Хи [32] в научной статье «Строительство гармоничной культуры в перспективе философии», где автор утверждает, что идея национальной гармоничной культуры Китая имеет философскую диалектическую универсальную основу и связано с решением проблемы единства человека и общества. Необходима духовная сила, чтобы построить гармоничное общество. Гармоничная культура – это «передовая» культура, которая основана на том, что каждый человек является важнейшей и необходимой частью гармоничного общества. Гармоничная культура опирается на глубинные народные представления и включает в себя самые современные культурные формы. Наиболее важным для строительства гармоничного общества Хи полагает триединство древней народной культуры, марксизма как теоретической основы и освоение современных культурных форм.

Разрабатываются методологические основы для понимания гармоничной культуры. В работе Ши Мина и Фу Чувэна «Исследование гармоничной китайской культуры и его методология» [33] обсуждается несколько аспектов: 1) содержание, характеристики и основные функции гармоничной культуры; 2) теории, на которые можно опереться при строительстве гармоничной культуры: западная теория культуры и китайская национальная теория культуры; 3) методы, которые необходимо использовать китайскому правительству для построения гармоничной культуры.

Прежде всего, понятие гармоничной культуры связывается иерархически с понятием гармоничного общества. С помощью исторического принципа авторы доказывают, что гармония в

первобытном обществе и гармония в феодальном обществе отличаются от гармонии в социалистическом обществе. В социалистическом обществе речь идет о гармонии между различными социальными группами, фракциями, партиями. Гармоничное общество – это общество, наполненное творческими силами, развивающееся общество, имеющее идеальную систему управления, порядок и стабильность. Выделяется четыре составляющих в гармоническом обществе: 1) гармония между различными социальными элементами; эта гармония требует, чтобы различные экономические процессы – производство, распределение, потребление и накопление – находились под контролем и постоянным научным анализом; по отношению к культуре этот аспект означает, что в единстве должны находиться национальная традиционная культура Китая, социалистическое устройство и многообразие культурных форм; 2) внутренняя гармония человека; это означает необходимость гармоничных взаимодействий между коллективными и индивидуальными интересами, производством и производительностью труда, местными интересами и общенациональными и т.д.; эти интересы и способы взаимодействия также постоянно должны анализироваться и приниматься во внимание, в том числе, в контексте того, что все эти вещи постоянно изменяются, совершенствуются; 3) гармония между миром людей и природой; сюда входят разнообразные экологические принципы: цивилизованное природопользование, дружелюбное по отношению к природе; стратегия устойчивого развития, баланс между социальным миром и природной системой; 4) гармония между человеком и обществом, которая необходима для построения социализма; на социальном уровне есть много проблем, которые еще предстоит решить: отсутствие координации между развитием экономики и общества, разрыв в доходах между горожанами и сельскими жителями; высокая плата и сложность обучения в университетах, трудная доступность медицинской помощи, пенсионного обеспечения в старости – эти и другие проблемы просят вызов строителям гармоничного общества.

Существуют два основных принципа построения гармоничного общества: 1) ориентация на человека; 2) разрешение социальных конфликтов. Для реализации этих принципов нужно решить целый ряд проблем, в том числе проблему гармоничного соотношения китайской традиционной национальной культуры и культуры современного социалистического общества. Здесь возникают следующие вопросы: 1) какова суть китайской гармоничной культуры; 2) какие идеи следует заимствовать из китайской традиционной национальной культуры, а какие – из западной культу-

ры; 3) как понимается гармоничность в теории К. Маркса; 4) как разработать китайскую культурную индустрию; 5) какие барьеры существуют для воплощения китайской гармоничной культуры.

Ши Мин и Фу Чувэн дают следующее определение китайской гармоничной культуры: это сложная (комплексная) система социальных идей, в которых основной ценностью является гармония [33]. Первый уровень гармоничной китайской культуры включает в себя идеи, концепции, сознание. Второй уровень содержит институты, мораль, обычаи. Третий уровень составляют продукты различных культур, науки, книги, художественные произведения.

На первом уровне не все социальные субъекты, но только мыслители, политики и академики (ученые) должны разработать новые термины, концепции, принципы, которые могли бы примирить социальные противоречия и направить действия людей в соответствии с планами правительства. Объективная ценность гармоничной китайской культуры заключается в ее универсальности, следовательно, ее принципы должны принять не только китайцы, но люди во всем мире. Китайские культурные ценности могут и должны быть, по мысли авторов, реализованы двумя способами: «твердым» и «мягким». К «твердому» способу они относят материальные культурные предметы, в том числе радио, журналистику, телевидение, интернет-сети, образование, бюрократию, канцелярские принадлежности и т.д. К «мягкому способу» относятся методы, понятия, слова, которые могут улучшить или изменить (ограничить) развитие субъект-объектных отношений.

Далее, китайская гармоничная культура имеет несколько концептуальных основ: 1) марксизм, материалистическая диалектика, позволяющая построить социализм «с китайским лицом»; 2) китайское традиционное мировоззрение, где существует большое количество гармоничных понятий, главным из которых является гармоничная вписанность человека в природу; 3) поглощение образцов мировой культуры, поскольку китайская гармоничная культура не может существовать независимо от мировой культуры, от современных культурных технологий, поэтому Китай будет реформировать собственные культурные институты в соответствии с самыми передовыми идеями и формами современной мировой культуры.

Авторы определяют несколько функций китайской гармоничной культуры: 1) повышение национального единства и сплочение нации вокруг социалистических идей на базе марксизма; создание концептуального языка, извещающего вне-китайский мир о том, что Китай не стремится к гегемонии и пространственному расширению

государственных границ; 2) нормализация социальной практики, создание нового морального климата, где во главу угла ставится социальная коллективная солидарность, социальные объединения; создание системы идейно-патриотического воспитания в каждом образовательном учреждении Китая, на всех предприятиях, общественных организациях должны существовать партийные организации, которые отвечают за идеологическую обеспеченность; 3) поскольку многие социальные противоречия нельзя разрешить быстро, они требуют длительного времени на то, чтобы их изжить, по мнению китайского правительства гармоничная культура призвана облегчить социальные конфликты.

Выбирая философско-концептуальную основу для построения принципов китайской гармоничной культуры, авторы статьи рекомендуют опору на традиционную китайскую философию: конфуцианство, буддизм и даосизм. В качестве вывода делается верное замечание о том, что строительство китайской гармоничной культуры требует дальнейшего научного анализа.

Необходимо отметить, что и в партийных документах, и в научных публикациях китайские ученые считают необходимым сделать акцент на том, что концепция китайской гармоничной культуры основывается исключительно на социалистических идеях, на внедрении в общественное и индивидуальное сознание принципов марксизма и социализма. Этому посвящено, в частности, исследование

Цяо Вэ «Основы и процесс формирования культурного сознания в Китайской коммунистической партии» [34].

Выводы

В современном Китае культурные процессы предопределяются конкретными идеологическими принципами, главными из которых являются «великая китайская мечта», «гармоничное общество», «гармоничная культура». Критический анализ современных китайских исследований показал, что «великая китайская мечта» и «гармоничная культура» – это два понятия, которые неразрывно связаны между собой. Если «великая китайская мечта» ориентирует китайское общество на процессы «омолаживания нации», на достижение экономического благосостояния и социальной стабильности, то «гармоничная культура» раскрывает способы реализации этих идеалов. К таким способам относятся: 1) создание нового идеологического языка, позволяющего нейтрализовать социальные конфликты и противоречия; 2) достижение идейного соответствия китайской традиционной философии и философии марксизма и социализма; 3) усиление идеологического воздействия через систему культурных институтов, через мораль, через культурные продукты в широком смысле этого слова; 4) распространение ценностей китайской культуры во всем мире с помощью «твердых» и «мягких» китайских продуктов.

Библиография:

1. Сухадольская Л.Л. Некоторые аспекты «китайской мечты» // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия. Сборник Восточного центра. – 2015.-№ 16-1.-С. 21-26.
2. Кондрашова Л.И. Китайская мечта о национальном возрождении. – М.: Институт экономики, 2014.-36 с.
3. Си Цзиньпин о китайской мечте. Электронный ресурс. URL: <http://www.kitaichina.com/index.htm>. Дата обращения к ресурсу: 12.10.2015.
4. От американской до китайской мечты: инновация – общая опора/ Китай. – 31.05.2013. – Электронный ресурс. URL: http://www.kitaichina.com/se/txt/2013-05/31/content_547594.htm Дата обращения к ресурсу: 11.10.2015.
5. Кузнецов Д.В. Концепция «китайской мечты» и национальное возрождение Китая. Электронный ресурс. URL: http://kuznetsov.ucoz.org/books/Kuznetsov_D_V_2015.pdf Дата обращения к ресурсу: 11.10.2015.
6. Коваль А. XVIII-й съезд КПК: новое поколение китайских лидеров и актуальные проблемы развития КНР // Китаєзнавчі дослідження. – 2012. – №. 2. – С. 23-30.
7. Копцева Н.П., Середкина Н.Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе. – Красноярск: СФУ.-2013. – 183 с.
8. Guoping Z., Feng W. The Realization of the Great “Chinese Dream” and the Establishment of Community Socialist Core Values //Public Administration & Law. – 2015. – Т. 1. – С. 004.
9. Bo Z. Dialectic Unity of Internalization and Externalization – On the Basic Method in the Study of “Chinese Dream” Education for College Students //Journal of Huaihua University. – 2015. – Т. 1. – С. 015.
10. Mars N., Hornsby A. The Chinese dream: a society under construction. – Q10 Publishers, 2008.
11. Wang H. H. The Chinese dream: The rise of the world’s largest middle class and what it means to you. – Bestseller Press, 2010.
12. Wang Z. The Chinese dream: concept and context //Journal of Chinese Political Science. – 2014. – Т. 19. – №. 1. – С. 1-13.
13. Ши Юйчжи «Семь причин, почему китайская мечта отличается от американской». Электронный ресурс. URL: http://www.qstheory.cn/zz/zgtsshzyll/201305/t20130520_232259.htm Дата обращения к ресурсу: 18 октября 2015.
14. Mattke S. et al. The Role of Health Care Transformation for the Chinese Dream. – Rand Corporation, 2014.
15. Mahoney J. G. Interpreting the Chinese dream: an exercise of political hermeneutics //Journal of Chinese Political Science. – 2014. – Т. 19. – №. 1. – С. 15-34.
16. Zheng S. Rising Confidence Behind the “Chinese Dream” //Journal of Chinese Political Science. – 2014. – Т. 19. – №. 1. – С. 35-48.

17. Lu C. Urban Chinese Support for the Chinese Dream: Empirical Findings from Seventeen Cities //Journal of Chinese Political Science. – 2015. – С. 1-19.
18. Guoping Z., Feng W. The Realization of the Great “Chinese Dream” and the Establishment of Community Socialist Core Values //Public Administration & Law. – 2015. – Т. 1. – С. 004.
19. Ji Z. Exploration on the Integration of «Chinese Dream» with the Teaching of Outline of Modern and Contemporary History of China //The Science Education Article Collects. – 2014. – Т. 5. – С. 007.
20. Ji Z. Exploration on the Integration of» Chinese Dream» with the Teaching of Outline of Modern and Contemporary History of China //The Science Education Article Collects. – 2014. – Т. 5. – С. 007.
21. Sørensen C. T. N. The Significance of Xi Jinping’s» Chinese Dream» for Chinese Foreign Policy: From» Tao Guang Yang Hui» to» Fen Fa You Wei» //Journal of China and International Relations. – 2015. – Т. 3. – №. 1.
22. Pena D. S. Comparing the Chinese Dream with the American Dream //International Critical Thought. – 2015. – Т. 5. – №. 3. – С. 277-295.
23. Owen D. A. The Impact of Economic Development on Political Interest Across Social Classes in China: Turning the Chinese Dream into a Chinese Reality? //Journal of Chinese Political Science. – 2015. – С. 1-18.
24. Do T. T. China’s rise and the ‘Chinese dream’ in international relations theory //Global Change, Peace & Security. – 2015. – Т. 27. – №. 1. – С. 21-38.
25. Ahlers A. L. Weaving the Chinese Dream on the Ground? Local Government Approaches to “New-Typed” Rural Urbanization //Journal of Chinese Political Science. – 2015. – С. 1-22.
26. Feng M. X. Y. The ‘Chinese Dream’ Deconstructed: Values and Institutions //Journal of Chinese Political Science. – 2015. – С. 1-21.
27. Шалак А. В. Китайская мечта через концепцию «мягкой силы» //Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2015. – Т. 25. – №. 3.-С. 564-568.
28. Скрипкарь М. В. Формирование концепции «китайская мечта»Ж от Сунь Ятсена до Си Цзиньпина // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №. 8-2.-С. 394-397.
29. Распертова С. Ю. Гармоничное общество и гармоничная культура как «платформа формирования «китайской мечты» //Международный научно-исследовательский журнал. – 2013. – №. 8-4 (15).-С. 63-67.
30. Wang Z. Not Rising, but Rejuvenating: The “Chinese Dream”. – 2013. Электронный ресурс. URL: <http://thedi diplomat.com/2013/02/chinese-dream-draft/>. Дата обращения: 29.10.2015.
31. Ming Z. Feature, Value and Approach of “Chinese Dream” //Journal of Xinjiang Normal University (Edition of Philosophy and Social Sciences). – 2013. – Т. 4. – С. 004.
32. He Sun. Construction of A Harmonious Culture in the Perspective of Philosophy [J] //Journal of Eastern Liaoning University (Social Sciences). – 2008. – Т. 3. – С. 001.
33. Min S. Study on the Construction of Chinese Harmonious Culture and Its Methodology //Cross-Cultural Communication. – 2015. – Т. 11. – № 6.– С.10-15.
34. Xiao W. Basis and Course of Formation of Cultural Consciousness of CPC //Journal of Hefei Normal University. – 2015. – Т. 2. – С. 010.
35. Авдеева Ю.Н., Либакова Н.М. Международные практики социокультурного проектирования по отношению к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока // Социодинамика. – 2015.-№ 10.-С.10-38. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.10.16430. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_16430.html
36. Замараева Ю.С. Глобальные трансформации, которые переживают индигенные народы Севера // Современные проблемы науки и образования. – 2015.-№ 1. – С. 1884.
37. Замараева Ю.С. Особенности этнической миграции в социально-психологическом восприятии (на материале анализа результатов эксперимента по методике «Серийные тематические ассоциации») // NB: Проблемы политики и общества. – 2014.-№ 9.-С.63-82. DOI: 10.7256/2306-0158.2014.9.13407. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_13407.html
38. Ильбейкина М.И. Особенности визуально-антропологических исследований индигенных народов // Современные проблемы науки и образования. – 2014.-№ 4. – С. 594.
39. Кирко В.И., Невзоров В.Н. Инновационные процессы в Сибирской Арктике // Социодинамика. – 2015.-№ 5.-С.70-82. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.5.15325. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_15325.html
40. Кистова А.В. Влияние этнических миграционных процессов на самоопределение коренных малочисленных народов Сибири (на примере этнической группы «чулымцы» Тухтетского района Красноярского края) // Современные проблемы науки и образования. – 2015.-№ 1. – С. 1887.
41. Колесник М.А. Обзор изучения фольклора коренных народов Севера // Litera. – 2014.-№ 3.-С.39-59. DOI: 10.7256/2409-8698.2014.3.13998. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_13998.html
42. Лузан В.С. К проблеме концептуальных оснований культурной политики // NB: Проблемы политики и общества. – 2014.-№ 10.-С.135-158. DOI: 10.7256/2306-0158.2014.10.1342. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_13420.html
43. Резникова К.В. Сохранение традиционных языков коренных малочисленных народов как обеспечение основы культурного разнообразия региона // Современные проблемы науки и образования. – 2015.-№ 1. – С. 1881.
44. Резникова К.В. Этничность как категория социального познания // Социодинамика. – 2015.-№ 1.-С.101-111. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.1.14228. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_14228.html
45. Середкина Н.Н. Этническая картина мира в контексте современных социальных исследований // NB: Проблемы политики и общества. – 2014.-№ 10.-С.26-59. DOI: 10.7256/2306-0158.2014.10.1344. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_13441.html
46. Ситникова А.А. К вопросу о методологии исследований культуры как социально-антропологической системы // Социодинамика. – 2015.-№ 1.-С.75-100. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.1.14237. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_14237.html
47. Шишацкий Н.Г., Кирко В.И., Кеуш А.В. Социально-экономические проблемы создания территорий традиционного природопользования // Арктика и Север. – 2012.-№ 7. – С. 178-184.

48. Chuka Enuka. China's Military Presence in Africa: Implications for Africa's Woobling Peace // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 8 (2011 4) 1208-1220.
49. Il'beykina M.I. Indigenous Peoples as a Research Space of Visual Anthropology // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 9 (2014 7) 1471-1493.
50. Il'beykina M.I., Kolesnik M.A., Libakova N.M., Sertakova E.A., Sitnikova A.A. Global and local trends in development of the Siberian city Krasnoyarsk // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – V.6 (3) – 241-248.
51. Koptseva, N.P., Kirko, V.I. (2014). Ethic Identification of Indigenous Peoples of the Siberian Arctic. American Journal of Applied Sciences, 11 (9), 1573-1577.
52. Koptseva, N.P., Kirko, V.I. (2015). Aspects of political wisdom in the treatise Lao Tzu "Tao te ching". Mediterranean Journal of Social Sciences, 6 (5s2), 119-126.
53. Kumar S. China's Grand Strategy, Kashmir and Pakistan: Transformation of Islamabad from a Spoiler State to Frontline State for Beijing // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 8 (2012 5) 1200-1217.
54. Libakova N.M., Sertakova E.A. The Method of Expert Interview as an Effective Research Procedure of Studying the Indigenous Peoples of the North // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 1 (2015 7) 121-136.
55. Libakova NM, Sitnikova AA, Sertakova EA, Kolesnik MA, Ilbeykina MI. Modern practices of regional and ethnic identity of the Yakuts (North Asia, Russia). Life Sci J 2014; 11(12):133-140.
56. Luzan V.S. Mechanisms of Interaction Between the State, Businesses and Small-Numbered Indigenous Peoples of the Russian Federation Under Global Transformations // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 8 (2014 7) 1327-1341.
57. Omelchuk R.K. Religious and Political Philosophy of the Social Education in Ancient China // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 3 (2013 6) 357-368.
58. Podyapolskiy S. "Soft Power" and "Smart Power" of Modern China // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2 (2014 7) 347-358.
59. Razumovskaya V.A., Sokolovsky Y.V. Modern Tendencies of Language Policy and Language Planning in Russia and China: Comparative Study // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 7 (2012 5) 927-934.
60. Reznikova K.V., Zamaraeva J.S., Kistova A.V., Pimenova N.N. The current state of traditional socio-cultural practices of indigenous peoples of the North (on the example of cultures of Selkups, Nenets and Essey Yakuts). Life Sci J 2014;11 (12):126-132.
61. Seredkina N.N. Cultural and Semiotic Strategies of Constructing Indigenous Northern Ethnicity in Art (Based on the Yakut Art School) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 4 (2015 8) 769-792.
62. Sitnikova A.A. The Image of Siberia in Soviet, Post-Soviet Fiction and Werner Herzog's Documentary Films // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 4 (2015 8) 677-706.
63. Zamaraeva Y.C. Phenomenological Description of Classical Music as an Ethnos-Forming Element of Yakut Culture // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 4 (2015 8) 707-721.
64. Zamarayeva Y.S., Kistova A.V., Reznikova K.V., Pimenova N.N., Seredkina N.N. Taymyr reindeer herding as a branch of the economy and a fundamental social identification practice for indigenous peoples of the Siberian Arctic // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – V.6 (3) – 225-232.
65. Лобанова Т.Н. Лингвомедийное противостояние КНР и США // . – 2014. – 1. – С. 99 – 108. DOI: 10.7256/2014.1.12945.
66. Лобанова Т.Н. Медиатексты политического дискурса Китая в условиях украинского кризиса: опыт сопоставительного и дискурсивного анализа // Тренды и управление. – 2014. – 3. – С. 271 – 282. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.3.12759.
67. Трошинский П.В. Право и политика современного Китая // Право и политика. – 2014. – 7. – С. 910 – 921. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.7.8822.
68. Яник А.А. Управление социально-экономическими изменениями в условиях кризиса: что может дать России опыт Китая? // Право и политика. – 2014. – 12. – С. 1840 – 1848. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.12.12940.
69. Литвинова С.Ф. Формирование правовых традиций в КНР как результат последовательной правовой деятельности // Право и политика. – 2014. – 8. – С. 1241 – 1248. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.8.12565.
70. Рубец М.В. Когнитивные особенности китайской культуры и языка // Психология и Психотехника. – 2013. – 11. – С. 1120 – 1133. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.11.10149.
71. Ястремский А.М. Китай и страны мира: политика колонизации или интеграция? // Тренды и управление. – 2014. – 4. – С. 335 – 344. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.4.12799.
72. Виноградова Е.А. Информационная война: концептуальный анализ // Тренды и управление. – 2014. – 3. – С. 283 – 292. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.3.12722.
73. Карпович О.Г. Цветная «революция зонтиков» в Гонконге: начало «Китайской Весны» // Национальная безопасность / nota bene. – 2014. – 6. – С. 990 – 996. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.6.13602.

References (transliterated):

1. Sukhadol'skaya L.L. Nekotorye aspekty «kitaiskoi mechty» // Rossiya i Kitai: problemy strategicheskogo vzaimodeistviya. Sbornik Vostochnogo tsentra. – 2015.-№ 16-1.-S. 21-26.
2. Kondrashova L.I. Kitaiskaya mechta o natsional'nom vozrozhdenii. – M.: Institut ekonomiki, 2014.-36 s.
3. Si Tszin'pin o kitaiskoi mechte. Elektronnyi resurs. URL: <http://www.kitaichina.com/index.htm>. Data obrashcheniya k resursu: 12.10 2015.
4. Ot amerikanskoi do kitaiskoi mechty: innovatsiya – obshchaya opora/ Kitai. – 31.05.2013. – Elektronnyi resurs. URL: http://www.kitaichina.com/se/txt/2013-05/31/content_547594.htm Data obrashcheniya k resursu: 11.10.2015.
5. Kuznetsov D.V. Kontseptsiya «kitaiskoi mechty» i natsional'noe vozrozhdenie Kitaya. Elektronnyi resurs. URL: http://kuznetsov.ucoz.org/books/Kuznetsov_D_V_2015.pdf Data obrashcheniya k resursu: 11.10.2015.
6. Koval' A. XVIII-i s'ezd KPK: novoe pokolenie kitaiskikh liderov i aktual'nye problemy razvitiya KNR // Kitaeznachchi doslidzhennya. – 2012. – №. 2. – S. 23-30.

7. Koptseva N.P., Seredkina N.N. Konsturirovaniye pozitivnoi etnicheskoi identichnosti v polikul'turnoi sisteme. – Krasnoyarsk: SFU.-2013. – 183 s.
8. Guoping Z., Feng W. The Realization of the Great “Chinese Dream” and the Establishment of Community Socialist Core Values //Public Administration & Law. – 2015. – Т. 1. – S. 004.
9. Bo Z. Dialectic Unity of Internalization and Externalization – On the Basic Method in the Study of “Chinese Dream” Education for College Students //Journal of Huaihua University. – 2015. – Т. 1. – S. 015.
10. Mars N., Hornsby A. The Chinese dream: a society under construction. – Q10 Publishers, 2008.
11. Wang H. H. The Chinese dream: The rise of the world’s largest middle class and what it means to you. – Bestseller Press, 2010.
12. Wang Z. The Chinese dream: concept and context //Journal of Chinese Political Science. – 2014. – Т. 19. – №. 1. – S. 1-13.
13. Shi Yuichzhi «Sem’ prichin, pochemu kitaiskaya mechta otlichaetsya ot amerikanskoj». Elektronnyi resurs. URL: http://www.qstheory.cn/zz/zgtssshzyl/201305/t20130520_232259.htm Data obrashcheniya k resursu: 18 oktyabrya 2015.
14. Mattke S. et al. The Role of Health Care Transformation for the Chinese Dream. – Rand Corporation, 2014.
15. Mahoney J. G. Interpreting the Chinese dream: an exercise of political hermeneutics //Journal of Chinese Political Science. – 2014. – Т. 19. – №. 1. – S. 15-34.
16. Zheng S. Rising Confidence Behind the “Chinese Dream” //Journal of Chinese Political Science. – 2014. – Т. 19. – №. 1. – S. 35-48.
17. Lu C. Urban Chinese Support for the Chinese Dream: Empirical Findings from Seventeen Cities //Journal of Chinese Political Science. – 2015. – S. 1-19.
18. Guoping Z., Feng W. The Realization of the Great “Chinese Dream” and the Establishment of Community Socialist Core Values //Public Administration & Law. – 2015. – Т. 1. – S. 004.
19. Ji Z. Exploration on the Integration of «Chinese Dream» with the Teaching of Outline of Modern and Contemporary History of China //The Science Education Article Collects. – 2014. – Т. 5. – S. 007.
20. Ji Z. Exploration on the Integration of» Chinese Dream» with the Teaching of Outline of Modern and Contemporary History of China //The Science Education Article Collects. – 2014. – Т. 5. – S. 007.
21. Sørensen C. T. N. The Significance of Xi Jinping’s» Chinese Dream» for Chinese Foreign Policy: From» Tao Guang Yang Hui» to» Fen Fa You Wei» //Journal of China and International Relations. – 2015. – Т. 3. – №. 1.
22. Pena D. S. Comparing the Chinese Dream with the American Dream //International Critical Thought. – 2015. – Т. 5. – №. 3. – S. 277-295.
23. Owen D. A. The Impact of Economic Development on Political Interest Across Social Classes in China: Turning the Chinese Dream into a Chinese Reality? //Journal of Chinese Political Science. – 2015. – S. 1-18.
24. Do T. T. China’s rise and the ‘Chinese dream’ in international relations theory //Global Change, Peace & Security. – 2015. – Т. 27. – №. 1. – S. 21-38.
25. Ahlers A. L. Weaving the Chinese Dream on the Ground? Local Government Approaches to “New-Typed” Rural Urbanization // Journal of Chinese Political Science. – 2015. – S. 1-22.
26. Feng M. X. Y. The ‘Chinese Dream’ Deconstructed: Values and Institutions //Journal of Chinese Political Science. – 2015. – S. 1-21.
27. Shalak A. V. Kitaiskaya mechta cherez kontseptsiyu «myagkoi sily» //Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii. – 2015. – Т. 25. – №. 3.-S. 564-568.
28. Skripkar’ M. V. Formirovaniye kontseptsii «kitaiskaya mechta»Zh ot Sun’ Yatsena do Si Tszin’pina // Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental’nykh issledovaniy. – 2015. – №. 8-2.-S. 394-397.
29. Raspertova S. Yu. Garmonichnoe obshchestvo i garmonichnaya kul’tura kak «platforma formirovaniya «kitaiskoi mechty» // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel’skii zhurnal. – 2013. – №. 8-4 (15).-S. 63-67.
30. Wang Z. Not Rising, but Rejuvenating: The “Chinese Dream”. – 2013. Elektronnyi resurs. URL: <http://thediplomat.com/2013/02/chinese-dream-draft/>. Data obrashcheniya: 29.10.2015.
31. Ming Z. Feature, Value and Approach of “Chinese Dream” //Journal of Xinjiang Normal University (Edition of Philosophy and Social Sciences). – 2013. – Т. 4. – S. 004.
32. He Sun. Construction of A Harmonious Culture in the Perspective of Philosophy [J] //Journal of Eastern Liaoning University (Social Sciences). – 2008. – Т. 3. – S. 001.
33. Min S. Study on the Construction of Chinese Harmonious Culture and Its Methodology //Cross-Cultural Communication. – 2015. – Т. 11. – № 6.– S.10-15.
34. Xiao W. Basis and Course of Formation of Cultural Consciousness of CPC //Journal of Hefei Normal University. – 2015. – Т. 2. – S. 010.
35. Avdeeva Yu.N., Libakova N.M. Mezhdunarodnye praktiki sotsiokul'turnogo proektirovaniya po otnosheniyu k korennym malochislennym narodam Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka // Sotsiodinamika. – 2015.-№ 10.-S.10-38. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.10.16430. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_16430.html
36. Zamaraeva Yu.S. Global’nye transformatsii, kotorye perezhivayut indigennyye narody Severa // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. – 2015.-№ 1. – S. 1884.
37. Zamaraeva Yu.S. Osobennosti etnicheskoi migratsii v sotsial’no-psikhologicheskoy vospriyatii (na materiale analiza rezul’tatov eksperimenta po metodike «Seriinyye tematicheskie assotsiatsii») // NB: Problemy politiki i obshchestva. – 2014.-№ 9.-S.63-82. DOI: 10.7256/2306-0158.2014.9.13407. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_13407.html
38. Il’beikina M.I. Osobennosti vizual’no-antropologicheskikh issledovaniy indigennykh narodov // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. – 2014.-№ 4. – S. 594.
39. Kirko V.I., Nevzorov V.N. Innovatsionnyye protsessy v Sibirskoi Arktike // Sotsiodinamika. – 2015.-№ 5.-S.70-82. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.5.15325. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_15325.html
40. Kistova A.V. Vliyaniye etnicheskikh migratsionnykh protsessov na samoopredeleniye korenykh malochislennykh narodov Sibiri (na primere etnicheskoi grupy «chulymtsy» Tyukhtetskogo raiona Krasnoyarskogo kraya) // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. – 2015.-№ 1. – S. 1887.
41. Kolesnik M.A. Obzor izucheniya fol’klora korenykh narodov Severa // Litera. – 2014.-№ 3.-S.39-59. DOI: 10.7256/2409-8698.2014.3.13998. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_13998.html

42. Luzan V.S. K probleme kontseptual'nykh osnovanii kul'turnoi politiki // NB: Problemy politiki i obshchestva. – 2014.- № 10.-S.135-158. DOI: 10.7256/2306-0158.2014.10.1342. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_13420.html
43. Reznikova K.V. Sokhranenie traditsionnykh yazykov korennykh malochislennykh narodov kak obespechenie osnovy kul'turnogo raznoobraziya regiona // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2015.-№ 1. – S. 1881.
44. Reznikova K.V. Etnichnost' kak kategoriya sotsial'nogo poznaniya // Sotsiodinamika. – 2015.-№ 1.-S.101-111. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.1.14228. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_14228.html
45. Seredkina N.N. Etnicheskaya kartina mira v kontekste sovremennykh sotsial'nykh issledovaniy // NB: Problemy politiki i obshchestva. – 2014.-№ 10.-S.26-59. DOI: 10.7256/2306-0158.2014.10.1344. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_13441.html
46. Sitnikova A.A. K voprosu o metodologii issledovaniy kul'tury kak sotsial'no-antropologicheskoi sistemy // Sotsiodinamika. – 2015.-№ 1.-S.75-100. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.1.14237. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_14237.html
47. Shishatskii N.G., Kirko V.I., Keush A.V. Sotsial'no-ekonomicheskie problemy sozdaniya territorii traditsionnogo prirodopol'zovaniya // Arktika i Sever. – 2012.-№ 7. – S. 178-184.
48. Chuka Erika. China's Military Presence in Africa: Implications for Africa's Woobling Peace // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 8 (2011 4) 1208-1220.
49. Il'beykina M.I. Indigenous Peoples as a Research Space of Visual Anthropology // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 9 (2014 7) 1471-1493.
50. Il'beykina M.I., Kolesnik M.A., Libakova N.M., Sertakova E.A., Sitnikova A.A. Global and local trends in development of the Siberian city Krasnoyarsk // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – V.6 (3) – 241-248.
51. Koptseva, N.P., Kirko, V.I. (2014). Ethic Identification of Indigenous Peoples of the Siberian Arctic. American Journal of Applied Sciences, 11 (9), 1573-1577.
52. Koptseva, N.P., Kirko, V.I. (2015). Aspects of political wisdom in the treatise Lao Tzu "Tao te ching". Mediterranean Journal of Social Sciences, 6 (5s2), 119-126.
53. Kumar S. China's Grand Strategy, Kashmir and Pakistan: Transformation of Islamabad from a Spoiler State to Frontline State for Beijing // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 8 (2012 5) 1200-1217.
54. Libakova N.M., Sertakova E.A. The Method of Expert Interview as an Effective Research Procedure of Studying the Indigenous Peoples of the North // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 1 (2015 7) 121-136.
55. Libakova NM, Sitnikova AA, Sertakova EA, Kolesnik MA, Ilbeykina MI. Modern practices of regional and ethnic identity of the Yakuts (North Asia, Russia). Life Sci J 2014; 11(12):133-140.
56. Luzan V.S. Mechanisms of Interaction Between the State, Businesses and Small-Numbered Indigenous Peoples of the Russian Federation Under Global Transformations // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 8 (2014 7) 1327-1341.
57. Omelchuk R.K. Religious and Political Philosophy of the Social Education in Ancient China // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 3 (2013 6) 357-368.
58. Podyapolskiy S. "Soft Power" and "Smart Power" of Modern China // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2 (2014 7) 347-358.
59. Razumovskaya V.A., Sokolovsky Y.V. Modern Tendencies of Language Policy and Language Planning in Russia and China: Comparative Study // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 7 (2012 5) 927-934.
60. Reznikova K.V., Zamaraeva J.S., Kistova A.V., Pimenova N.N. The current state of traditional socio-cultural practices of indigenous peoples of the North (on the example of cultures of Selkups, Nenets and Essey Yakuts). Life Sci J 2014; 11 (12):126-132.
61. Seredkina N.N. Cultural and Semiotic Strategies of Constructing Indigenous Northern Ethnicity in Art (Based on the Yakut Art School) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 4 (2015 8) 769-792.
62. Sitnikova A.A. The Image of Siberia in Soviet, Post-Soviet Fiction and Werner Herzog's Documentary Films // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 4 (2015 8) 677-706.
63. Zamaraeva Y.C. Phenomenological Description of Classical Music as an Ethnos-Forming Element of Yakut Culture // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 4 (2015 8) 707-721.
64. Zamarayeva Y.S., Kistova A.V., Reznikova K.V., Pimenova N.N., Seredkina N.N. Taymyr reindeer herding as a branch of the economy and a fundamental social identification practice for indigenous peoples of the Siberian Arctic // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – V.6 (3) – 225-232.
65. Lobanova T.N. Lingvomediihoe protivostoyanie KNR i SSHa // . – 2014. – 1. – S. 99 – 108. DOI: 10.7256/2014.1.12945.
66. Lobanova T.N. Mediateksty politicheskogo diskursa Kitaya v usloviyakh ukrainskogo krizisa: opyt sopostavitel'nogo i diskursivnogo analiza // Trendy i upravlenie. – 2014. – 3. – S. 271 – 282. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.3.12759.
67. Troshchinskii P.V. Pravo i politika sovremennogo Kitaya // Pravo i politika. – 2014. – 7. – S. 910 – 921. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.7.8822.
68. Yanik A.A. Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskimi izmeneniyami v usloviyakh krizisa: chto mozhet dat' Rossii opyt Kitaya? // Pravo i politika. – 2014. – 12. – S. 1840 – 1848. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.12.12940.
69. Litvinova S.F. Formirovanie pravovykh traditsiy v KNR kak rezul'tat posledovatel'noi pravovoi deyatelnosti // Pravo i politika. – 2014. – 8. – S. 1241 – 1248. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.8.12565.
70. Rubets M.V. Kognitivnye osobennosti kitaiskoi kul'tury i yazyka // Psikhologiya i Psikhotekhnika. – 2013. – 11. – S. 1120 – 1133. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.11.10149.
71. Yastremskii A.M. Kitai i strany mira: politika kolonizatsii ili integratsiya? // Trendy i upravlenie. – 2014. – 4. – S. 335 – 344. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.4.12799.
72. Vinogradova E.A. Informatcionnaya voyna: kontseptual'nyi analiz // Trendy i upravlenie. – 2014. – 3. – S. 283 – 292. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.3.12722.
73. Karpovich O.G. Tsvetnaya «revolyutsiya zontikov» v Gonkonge: nachalo «Kitaiskoi Vesny» // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. – 2014. – 6. – S. 990 – 996. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.6.13602.